В. А. ЗАПАДОВ

ДЕРЖАВИН И МУРАВЬЕВ

Возможность и, главное, необходимость постановки вопроса о личных взаимоотношениях Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева наметилась лишь в самое последнее время, после работ Л. И. Кулаковой о Муравьеве.[1]

Если поэзия Державина, по словам Белинского, была «верным эхом жизни русского народа, верным отголоском века Екатерины II»,[2] то поэзия Муравьева, будучи только летописью души человека конца XVIII столетия, значительно у́же державинской. Тем не менее искания поэтов шли часто в одном направлении. Их объединяет идея ценности личности, лежавшая в основе содержания их творчества, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества, характер и жизнь частного человека. Образ автора, органически входящий в стихотворения, попытки создания индивидуальных характеристик людей, обилие конкретных намеков, внимание к бытовым деталям, идущие в одном направлении эксперименты в области метрики, строфики, рифмовки — все эти черты присущи каждому из них.

Поэтические достижения Муравьева предшествовали выдающимся успехам Державина в тех же областях поэзии и поэтики. Но знал ли о них Державин?

В фундаментальном исследовании Я. К. Грота о Державине о Муравьеве лишь бегло упоминается, в трудах Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, А. В. Западова имени Муравьева вовсе не встречается. А между тем по отдельным упоминаниям в переписке и записках Державина, по его надписи на гробнице Муравьева можно заключить, что поэты были, по меньшей мере,

---

[1] Л. И. Кулакова. 1) М. Н. Муравьев. — Ученые записки ЛГУ, № 33, вып. 4, 1939, стр. 4—42; 2) Муравьев. — В кн.: *История русской литературы*, т. IV, Изд. СССР, М.—Л., 1947, стр. 454—461.

[2] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 48—50.